

ШАМИЛЬ И ЧЕЧЕНЦЫ

(Неизвестный еще эпизодъ изъ завоеванія Кавказа).

Дѣятельность Шамиля, несмотря на большой интересъ къ ней нашихъ историковъ, до сихъ поръ не вполне освѣщена. Особенно вяло освѣщенъ вопросъ о подготовкѣ возстанія горцевъ и объ слияннн ихъ интересовъ въ одинъ—дѣло борьбы съ русскими. Во время нашего путешествія въ Чечню намъ удалось собрать небольшой матеріалъ по вопросу объ отношеніи къ Шамилю чеченцевъ. Почему то въ исторіи Кавказской войны послѣдніе, укравъ его въ своемъ аулѣ Веденѣ, рисуются ревностными приверженцами Шамиля. Отсюда и родилась традиція, считающая чеченцевъ наиболее яркими противниками русскихъ. По нашему скромному убѣжденію дѣло обстоило не такъ.

Въ 1848 г. въ одномъ изъ горныхъ чеченскихъ аулахъ Дашни раздалась тревога, очень обычная въ то время, черезъ нѣсколько минутъ площадь мечети покрылась вооруженными. Женщины, погнавшія стада вернулись съ криками, что къ аулу ѣдутъ черныя суюлы (лезгины) и дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ на площадь въѣхали лезгины и объявили: „надъ Вашимъ ауломъ Шамилю угодно было назначить набомъ Магому, который скоро пріѣдетъ. Мы отъ его имени объявляемъ Вамъ это, чтобы Вы приготовились къ встрѣчѣ съ той почестью, какая достойна имама“. Сказавъ это лезгины, отправились въ кунацкія. Долго шумѣли чеченцы, не привыкшіе подчиняться ничьимъ приказаніямъ, а особенно переданнымъ лезгианами... Въ концѣ концовъ объявили посланцамъ: передайте Магомѣ, который Васъ прислалъ и скажите ему, что у насъ нѣтъ оловъ, чтобы выѣхать ему навстрѣчу, и нѣтъ дудочниковъ, какъ у Васъ въ горахъ, чтобы достойно его встрѣтить. „Мы выѣдемъ къ нему на коняхъ боевыхъ и вмѣсто дудокъ возьмемъ черныя винтовки и этимъ сдѣлаемъ честь глупому лезгину; но не радъ будетъ онъ такой встрѣчѣ и пусть лучше

не ѣдетъ къ намъ... Желаемъ вамъ счастливаго пути, ваши лошади готовы и сыты, поѣзжайте обратно". „Никогда не забывайте, что чеченцы были всегда свободны и умрутъ свободными". „Какъ надъ соколами смѣшно назначать набомъ ворона, такъ глупо Магомѣ быть начальникомъ надъ нами".

„Въ нашей груди еще бьются сердца львовъ". Одинъ изъ лезгинъ хотѣлъ что то сказать, но ему напомнили, что было бы гораздо лучше съ его стороны, если бы онъ не раздражалъ сходъ словами, а ѣхалъ скорѣе обратно.

Объяснить этотъ поступокъ Шамиля желаніемъ пользы дашнѣвцамъ нельзя. Шамиль видѣлъ въ свободныхъ и непривычныхъ подчиняться его желанію единичныхъ личностяхъ чеченцевъ—опасное противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ и не стѣснялся въ выборѣ средствъ, лишь бы они вели прямо къ цѣли, стараясь подавить свободный духъ такихъ обществъ, какъ дашнѣевское. Надо отдать справедливость его уму,—онъ не зная о существованіи Маккіавели, тѣмъ не менѣе пользовался его политикой.

Но то, что геніальный умъ Маккіавелли примѣнялъ въ Италіи и то къ чему прибѣгнулъ его ученикъ Шамиль въ Дагестанѣ—оказали различные результаты. Политика Маккіавелли была непримѣнима къ чеченцамъ. Извѣстно, какъ усиліями долгихъ лѣтъ устроенное Шамилемъ зданіе рухнуло. Чеченцы, своевольный духъ которыхъ Шамиль хотѣлъ уничтожить, первые же отшатнулись отъ него, какъ только проникли въ истинныя намѣренія Шамиля. Здѣсь я долженъ сдѣлать маленькое отступленіе, чтобы показать насколько въ Дагестанѣ и Чечнѣ были различны условія, при которыхъ долженъ былъ дѣйствовать Шамиль. Знамя священной войны или такъ наз. Газовата—первый поднялъ въ Дагестанѣ Гази Мухаммедъ (Кази Мулла—какъ его неправильно называютъ у насъ). Пока Газоватъ оставался въ буквальномъ смыслѣ этого слова—„священной войной противъ невѣрныхъ" среди дагестанцевъ не было полнаго сочувствія ему. Гази Мухаммедъ, будучи скорѣе храбрымъ воиномъ, чѣмъ проницательнымъ политикомъ, не могъ понять, что Газоватъ не можетъ вызвать полнаго сочувствія среди дагестанскихъ народовъ до тѣхъ поръ, пока будетъ оставаться „войной противъ невѣрныхъ" въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Фанатизмъ помѣшалъ ему замѣтить того врага, чей гнетъ ложился тяжелымъ бременемъ на дагестанцевъ и на кого необходимо было направить оружіе, чтобы вызвать народное сочувствіе. Этотъ врагъ была: ту-

земная аристократія. Случайное убійство аварскихъ хановъ обратило вниманіе дагестанцевъ на заступившаго мѣсто Гази Мухамедда—Гамзатъ Бека. Несмотря на полную неспособность Гамзатъ Бека это обстоятельство дало ему возможность продержаться въ этомъ званіи полтора года.

Гамзатъ Бекъ въ томъ положеніи, какое выдвинуло его изъ ничтожества, въ связи съ неспособностью къ упроченію—былъ на краю гибели. Но вотъ выступаетъ третій имамъ Шамиль. Онъ зоветъ народъ на борьбу уже не во имя Газовата, а во имя давно желаннаго слова—равенства. Въ лицѣ Булахъ Хана онъ уничтожаетъ послѣднюю отрасль аварской владѣтельной фамиліи, отнимаетъ всѣ привиллегіи у бековъ и вводитъ полное равенство. Съ этой стороны Шамиль становится популярнымъ въ Дагестанѣ и число его сторонниковъ бысто растетъ. Успѣхъ въ борьбѣ съ русскими еще болѣе усиливаетъ его вліятельность и слава о Шамилѣ доходитъ до Чечни, которая тоже признаетъ его имамомъ. Но въ Чечнѣ существуетъ полное социальное равенство. Слѣдовательно для Чеченца Шамиль нуженъ не только, какъ апостоль равенства, но какъ опытный вождь въ борьбѣ. Сначала все идетъ хорошо и дагестанцы и чеченцы довольны. Учрежденныя Шамилемъ власти пока не проявляютъ себя въ смыслѣ угнетенія чеченцевъ.

Но это пока. Скоро наступаетъ суровая дѣйствительность. Гнетъ наибовъ и Мюредовъ становится для привыкшихъ къ свободѣ чеченцевъ болѣе и болѣе невыносимымъ. Самъ Шамиль отступаетъ отъ своей первоначальной идеи. Онъ хочетъ солдатъ превратить въ монаховъ. Чеченцамъ же нуженъ вождь, а не мулла. О равенствѣ не стало и рѣчи. Тамъ, гдѣ было оно, Шамиль стремится его уничтожить, вводя теократическое начало. Изъ практика-бойца, Шамиль дѣлается теоретикомъ-идеалистомъ. Онъ хотѣлъ совершеннаго переворота въ жизни горцевъ, того, чего добивался въ свое время Саванаролла.

Обычное право замѣчается *Шариотомъ*. Шамиль хотѣлъ, чтобы всѣ горцы уничтожили въ себѣ порочныя наклонности и сдѣлались равнодушными ко всему кромѣ борьбы за родину, воздерживались отъ излишествъ, постились и устремляли помыслы къ Аллаху.

„Какъ можно меньше говори,—разъясняетъ свое требованіе Шамиль,—ушамъ и глазамъ воли не давай, какъ можно меньше ѣшь, какъ можно меньше спи и какъ можно больше молись Богу“.

Молитва была основой всего, ее доводили до полного экстаза.

Было выработано нѣсколько приѣмовъ этого.

Абатъ былъ оскверненъ введеніемъ тѣлесныхъ наказаній.

Для иллюстраціи дѣятельности Шамиля достаточно указать, что у заподозрѣннаго въ куреніи табаку отсѣкали голову, другіе же курили свободно.

То, что послужило къ усиленію владычества Шамиля среди дагестанцевъ, послужило къ ослабленію его среди чеченцевъ.

Если въ началѣ Шамиль имѣлъ успѣхъ среди чеченцевъ, то успѣхъ этотъ можно приписать его необыкновенному умѣнью утаивать свои цѣли и намѣренія.

Изъ дальнѣйшаго—читатель увидитъ, какъ поступилъ Шамиль съ чеченцами.

Дашнѣевцы разошлись по домамъ съ твердымъ намѣреніемъ не пускаться къ себѣ вновь назначеннаго Шамилемъ наиба Магому.

Спустя недѣлю послѣ отъѣзда лезгинъ, въ аулъ Дашни пріѣхали послы, отъ Шамиля и собравши дашнѣевцевъ, прочитали имъ слѣдующее посланіе Шамиля: „Я милостью Аллаха имамъ Дагестанъ и рабъ Аллаха Шамуиль (Самуиль, сокращенное—Шамиль)—храбрымъ Дашнѣевцамъ шлю привѣтъ и миръ.

„Да поможетъ имъ Аллахъ во всѣхъ ихъ дѣлахъ и помыслахъ.

„Да будетъ такъ. Аминь! Мнѣ очень прискорбно было слышать отъ посланныхъ моимъ наибомъ Магомой мнеридова, какой приѣмъ сдѣланъ однимъ членомъ вашего общества, не понявшимъ, что назначеніемъ отъ себя наиба я преслѣдовалъ цѣли для васъ благія. Борьба, которую предстоитъ вести намъ съ гяурами, требовала отъ меня того, что я сдѣлалъ. По этому считаю поступокъ этотъ необдуманымъ и совершеннымъ подъ вліяніемъ зловредныхъ членовъ общества. Предлагаю вамъ—беречься такихъ людей и выслать ихъ ко мнѣ, чтобы я могъ объяснить имъ, что они сдѣлали“.

Это письмо было прочитано однимъ изъ пословъ, который, какъ видно, принадлежалъ къ духовному сословію. Онъ сталъ осматривать собраніе, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвело письмо Шамиля. Видя, что нѣкоторые совершенно равнодушно выслушали его, а на губахъ у другихъ пробѣжала ироническая улыбка, онъ обратился къ нимъ съ такими словами: „Чеченцы, что вы скажете на посланіе благочестиваго нашего имама? Неужели ваши сердца не чувствуютъ всей правды, высказанной имамомъ? Вспомните Аллаха и выгоните шайтановъ, овладѣвшихъ вашимъ сердцемъ! Аллаху угодно, что бы вы исполнили волю имама. Иначе—плохо вамъ будетъ не только на этомъ, но и на томъ свѣтѣ“.

Сказавъ эти слова, мулла возвелъ взоръ къ небу. Привыкшій такъ дѣйствовать на лезгинъ, мулла мало зналъ чеченцовъ. Вся его фигура, очевидная неискренность и его угрозы—произвели плохое впечатлѣніе на слушателей. Они, оставаясь вѣрными обычаямъ предковъ, молчали.

Въ это время выступилъ изъ толпы старикъ Эскале, обращаясь къ лезгинамъ, онъ сказалъ: „ты мулла, побереги свое краснорѣчіе для лезгинъ, ты долженъ только прочесть намъ письмо Шамиля и ждать отвѣта, но ты прибавилъ и свою рѣчь. Можетъ быть ты, какъ святой человѣкъ, долженъ наставлять на путь истины свернувшихъ съ него, но мы еще не свернули съ своего пути и твое краснорѣчіе излишне. Мы не вѣримъ, что намъ станетъ лучше при нашествіи Магомы. Передай Шамилю, что тѣ, кто совѣтовалъ намъ не слушать его—лучшіе люди. Ихъ мы не будемъ остерегаться, а будемъ слушаться“.

„Такъ ли, братья?“ сказалъ старикъ толпѣ; „такъ, такъ“,—закричали всѣ.

Такъ неудачно окончился первый дебютъ Шамиля въ Чечнѣ.

С. Фарфоровскій.

